Изданіе редакціи журнала «Библіографъ».

НАЧАЛО

ВЪ РОССІИ ПЕРЕПИСЕЙ

И ХОДЪ ИХЪ

ДО КОНЦА XVI ВѢКА.

Н. Д. Чечулинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, 9.
1889.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 Мая 1889 г.

Начало въ Россіи переписей и ходъ ихъ до конца XVI в. *).

Въ московскомъ государствѣ много разъ произведены были описанія разныхъ городовъ и уѣздовъ; результаты этихъ описаній излагались въ книгахъ писцовыхъ, переписныхъ, приправочныхъ, дозорныхъ, платежныхъ, и въ сотныхъ; до насъ дошло очень большое число такихъ книгъ отъ самаго конца XV в. и затѣмъ отъ всего XVI и XVII вв.; онѣ заключаютъ драгоцѣннѣйшія данныя для изученія внутренняго положенія Московскаго государства. Въ виду этого, естественно, интереснымъ является и вопросъ о началѣ и постепенномъ развитіи на Руси дѣла описанія земель; но еще большій интересъ имѣетъ рѣшеніе вопроса о томъ: какого рода свѣдѣнія и сколь подробныя заключаются въ книгахъ разныхъ наименованій; отвѣтъ на этотъ вопросъ необходимъ для каждаго, кто захотѣлъ-бы по писцовымъ и другимъ подобнымъ книгамъ изучить положеніе какого нибудь города, уѣзда или цѣлой области. Въ настоящемъ очеркѣ мы попытаемся разсмотрѣть вопросъ о началѣ и ходѣ переписей до XVII в.; на второй же вопросъ дадимъ отвѣтъ только отчасти, именно только относительно книгъ, содержащихъ описаніе городовъ, ибо слишкомъ большое количество книгъ, содержащихъ описаніе уѣздовъ [1]), совершенно лишаетъ возможности, по крайней мѣрѣ до напечатанія ихъ, изучить ихъ въ подробностяхъ всѣ, что, по нашему убѣжденію, необходимо для рѣшенія этого вопроса.

---

*) Предлагаемая статья представляетъ дополненный и отчасти переработанный рефератъ, читанный на VII Яросл. Археол. съѣздѣ.

[1]) По «Описанію документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи», т. I и II, въ одномъ этомъ архивѣ всего болѣе 3000 писцовыхъ и другихъ подобныхъ книгъ, изъ которыхъ болѣе 100—XVI в.; но кромѣ того много такихъ документовъ и въ другихъ древлехранилищахъ, особ. же въ Моск. Глав. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Вопросъ объ описаніяхъ земель и переписяхъ на Руси, особенно о возникновеніи и первыхъ шагахъ этого дѣла, равно какъ и о книгахъ, являвшихся результатомъ этихъ переписей, почти совершенно еще не разобранъ въ нашей ученой литературѣ; его касались обыкновенно мимоходомъ и не собрали всѣхъ данныхъ, какія для рѣшенія его можно все таки найдти въ лѣтописяхъ и актахъ, хотя, правда, эти данныя довольно немногочисленны и, представляя иногда дѣйствительно большой интересъ, на нѣкоторые вопросы не даютъ точнаго отвѣта. Подробнѣе другихъ этого вопроса касались: Неволинъ въ статьѣ: «Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Екатерины II» [2]), Бѣляевъ въ «Лекціяхъ по исторіи русскаго законодательства» и составитель предисловія къ описанію писцовыхъ книгъ, хранящихся въ Моск. Арх. Минист. Юстиціи [3]). Наиболѣе подробно разсмотрѣнъ этотъ вопросъ у Неволина; но и онъ главное вниманіе посвятилъ XVII и XVIII вв., когда дѣло это было поставлено уже прочно, на болѣе опредѣленныхъ общихъ началахъ, времени же предшествовавшему, вопросу о возникновеніи и первыхъ шагахъ описанія земель онъ, какъ и другіе, удѣлилъ лишь нѣсколько замѣчаній и то по преимуществу апріорныхъ; замѣчанія эти сводятся къ тому, что князьямъ необходимо было имѣть свѣдѣнія о своихъ земляхъ, а принявши такое положеніе—считали за указаніе на описаніе земель и перепись людей уже и упоминаніе объ устройствѣ погостовъ и становъ, и отправку людей осмотрѣть и описать раззоренную мѣстность, не говоря уже о Смоленской уставной или Ростиславовой грамотѣ; фактъ существовавшаго тогда Византійскаго вліянія на Русь считали доказательствомъ, что такія описанія были сдѣланы по византійскимъ образцамъ и вѣроятно, прежде всего въ земляхъ духовенства, какъ класса, ближе другихъ стоявшаго къ Византіи и ея вліянію [4]). Конечно, въ указанныхъ сейчасъ случаяхъ князья получали нѣкоторыя свѣдѣнія о своихъ земляхъ, но отсюда еще очень далеко до того, что мы послѣ видимъ въ Московскомъ государствѣ; а по болѣе внимательному разсмотрѣнію Устава св. в. кн. Владиміра о церковныхъ десятинахъ, Уставной грамоты Новгородскаго кн. Всеволода Мстиславича церкви Іоанна на Опокахъ 1134 — 1135 г. и Уставной грамоты Смоленскаго кн. Ростислава Мстиславича и епископа Мануила, 1150 г. [5]), которыя указываются какъ доказательство существованія тогда переписей и какъ даже обращикъ ихъ, надо придти къ заключенію, что указанныя грамоты вовсе не доказываютъ этого: онѣ, дѣйствительно, представляютъ записи нѣкоторыхъ торговыхъ и судебныхъ доходовъ съ разныхъ во-

---

[2]) Неволинъ, Полное собр. сочиненій, т. VI, 429—517.

[3]) Описаніе документовъ и бумагъ, т. I. Описаніе книгъ писцовыхъ и т. д., I—XV.

[4]) Неволинъ, т. VI, 445—447; Бѣляевъ, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 122—123, 189; Описаніе документ. и бумагъ, т I; Описаніе книгъ писцовыхъ и т. д., I—II.

[5]) Грамоты эти напечатаны въ Д. А. И., I, №№ 1, 3, 4.

лостей—но и только, и это есть именно запись дохода, а не описаніе земель и не счисленіе людей; по нашему мнѣнію, въ нихъ нѣтъ даже намека, чтобы то или другое было произведено; и даже напротивъ—совершенно круглыя цифры дохода—100, 200, и т. д., указанныя въ Смоленской грамотѣ, прямо наводятъ на мысль, что это были просто суммы, внесеніе которыхъ было наложено княземъ заранѣе, безъ всякаго описанія; равнымъ образомъ, очевидно, что для того, чтобы рѣшить отдавать церкви десятую часть доходовъ вовсе не было необходимости въ описаніи земель или счисленіи людей; кромѣ Владиміра Св. это сдѣлалъ еще наприм. Андрей Боголюбскій, но лѣтопись ни тому, ни другому не приписываетъ описаній земли и даже мимоходомъ ни на что подобное не намекаетъ.

Первыми переписями на Руси должно считать тѣ, которыя произведены были татарами: въ 1246 г. въ южной Руси [6]), въ 1255—1256 гг. въ Суздальской землѣ и въ 1257—1259 гг. въ Новгородской области [7]); это была первая перепись; затѣмъ послѣдовала вторая—въ 1273 г. [8]). Лѣтопись не разсказываетъ этой переписи подробно и не даетъ прямыхъ указаній, какъ производилось это «число»: только ли считались люди, т. е. была ли это просто поголовная перепись, или производилось и какое нибудь описаніе земель и оцѣнка имущества; но самое названіе «число», выраженія лѣтописей «изочтоша всю землю русскую, токмо не чтоша игуменовъ» и т. д., и то обстоятельство, что лѣтописецъ, разсказывая перепись въ Новгородѣ, жалуется на «вятшихъ», что они заставили меньшихъ согласиться на перепись («ся яти по число») «творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло»—слова, которыя должны, повидимому. указывать на одинаковую для всѣхъ подать послѣ переписи, подать поголовную, дѣлаетъ почти несомнѣннымъ первое предположеніе [9]); слова лѣтописи «и почаша ѣздити оканьнии по улицамъ, пишюче домы христіаньскыя» легко могутъ и не имѣть буквальнаго смысла,

---

[6]) П. С. Р. Л. VII, 153, л. 6754.

[7]) Объ этихъ переписяхъ въ разныхъ лѣтописцахъ читаемъ почти дословно одно и тоже: П. С Р. Л., III, 56—57; IV, 38, 39; V, 188, 190; VII, 161—162; X, 141; XV, 401; Древній лѣтописецъ, I, 4—6; Типографскій лѣтописецъ, 25; Архангелогородскій—69 и др.

[8]) «Въ л. 6781 .... Бысть число второе изъ орды отъ царя». П. С. Р. Л. 42; Древній лѣтописецъ, I, 35.

[9]) Неволинъ (Пол. собр. соч., т. VI, 448) дѣлаетъ какъ разъ противуположное заключеніе и говоритъ: «какъ цѣлью монгольской переписи было опредѣлить количество податей, которыя покоренный народъ долженъ былъ платить побѣдителямъ, а для этого необходимо было взять въ соображеніе имущество и источникъ доходовъ каждаго лица, то она представляла не голое только перечисленіе лицъ, но при имени каждаго домохозяина въ ней было показываемо такъ же его податное имущество, бывшее источникомъ его доходовъ, и количество податей, которое онъ долженъ былъ платить сообразно этому». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту читаемъ: «См. ярлыки ханскіе, данные Россійскимъ митрополитамъ и переписи, дѣланныя самими князьями, для платежа дани монголамъ. По Соф. врем. г. 1237 (ч. I, стр. 238) «татарове... послаша... ко княземъ

а обозначать и счисленіе людей. Сколько нибудь подробно говорятъ лѣтописи только о первой переписи въ Новгородѣ; изъ ихъ разсказа ясно сильное нежеланіе народа чтобы перепись была произведена: «умремъ честно за св. Софью и за домы ангельскіе», говорятъ противящіеся ей; при первомъ пріѣздѣ татарскихъ писцовъ, въ 1257 г., Новгородцы такъ и не дали имъ произвести переписи, а принудили ихъ принять дары и удалиться изъ города, и черезъ два года согласиться на перепись ихъ заставила только вѣсть о приближеніи татарской рати. Едва-ли можно объяснять это однимъ простымъ желаніемъ не дать татарамъ свѣдѣній о числѣ жителей: при покореніи городовъ русскихъ татары показали, что они не затруднятся потребовать и собрать столько, сколько захотятъ, и безъ точныхъ свѣдѣній о податныхъ силахъ населенія; вѣроятнѣе, что перепись возбуждала противъ себя, какъ дѣло новое, небывалое—о второй переписи уже говорится совершенно покойно; но можетъ быть, нѣкоторую роль играло тутъ и представленіе, отчасти до сихъ поръ живущее въ народѣ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ считать, вѣсить, мѣрять есть дѣло грѣшное и неугодное Богу.

Далѣе разсказовъ о переписяхъ мы не имѣемъ вплоть до самаго конца XV в., но по разнымъ косвеннымъ указаніямъ можемъ видѣть, что стали уже и русскіе князья сами производить какія-то описанія, по крайней мѣрѣ съ середины XIV в.; съ конца же XV в. дошли до насъ и документы этого рода.

Ближайшимъ по времени къ татарскимъ переписямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—первымъ несомнѣннымъ указаніемъ на перепись, произведенную русскими безъ участія татаръ, является грамота 1356—1387 гг., содержащая перечисленіе—по семьямъ—людей, принадлежавшихъ Рязанскому Ольгову монастырю [10]); далѣе, въ двухъ грамотахъ времени Дмитрія же Донского [11]) въ числѣ другихъ льготъ обѣщается жителямъ извѣстныхъ мѣстностей, что къ нимъ «не въѣзжаетъ» и ихъ «не пишетъ» писецъ великокняжескій и жителямъ этимъ обѣ-

---

Рязанскимъ, прося у нихъ десятины во всемъ: во князехъ, и въ людѣхъ, и въ конѣхъ».— Новг. 1-ая лѣтоп. с. 56, г. 6765: «Приде вѣсть изъ Руси зла, яко хотятъ Татарове тамгы и десятины на Новѣгородѣ» и проч. Тамъ же, стр. 57, г. 6767: «Творяху бо бояре собѣ легко, а меньшимъ зло». Всѣ эти мѣста показываютъ что при переписи и дани монгольской обращалось вниманіе на имущество лицъ». Намъ кажется, что изъ приведенныхъ мѣстъ и указаній никакъ не выходитъ того, что заключаетъ Невоѣинъ; ярлыки ханскіе (во II т. С. Г. Гр. и Д.) во первыхъ вообще не достаточно ясны, а во вторыхъ—не могутъ быть принимаемы по нашему мнѣнію за источникъ достовѣрный въ подробностяхъ, ибо въ нихъ напр. упоминаются пардусники ханскіе, которые едвали имѣли случай являться на Руси; эти ярлыки, вѣроятно, суть копіи ярлыковъ, выдававшихся и другимъ подвластнымъ татарамъ властителямъ, а не документы, относящіеся прямо и исключительно къ Моск. Руси; ниже мы приведемъ еще нѣсколько замѣчаній, подтверждающихъ нашъ выводъ. М. Ф. Владимірскій-Будановъ тоже считаетъ татарскія перепись и подать поголовными (Обзоръ исторіи русскаго права, вып I, 166).

[10]) А. И., I, № 2.

[11]) Одна изъ нихъ—1361—1365 г.—А. А. Э., I, № 5; другая безъ точнаго опредѣленія годами, а просто съ указаніемъ на княженіе Дмитрія Донского, приведена въ одной грамотѣ 1462—1465 г.—А. о. до ю. б. № 52, I.

щается, что съ нихъ не будетъ взимаема «писчая бѣлка»; отсюда видно, что уже тогда были великокняжескіе писцы и производились, очевидно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переписи, если изъятіе отъ нихъ является льготою. Изъятіе отъ платежа этой «писчей бѣлки» или писчаго, въ видѣ льготы, встрѣчаемъ во многихъ грамотахъ до самаго конца XV в. [12]), иногда уже и безъ упоминанія объ избавленіи отъ княжескаго писца; но, и помимо названія этой подати, есть поводы думать, что «писчая бѣлка» или «писчее» была именно подать, собиравшаяся людьми, производившими опись, за свой трудъ съ описываемыхъ людей: на сборы эти есть прямое указаніе въ грамотахъ XV в.— именно, о сборахъ этихъ говоритъ извѣстная данная Новгородская грамота великому князю Василію Васильевичу на черный боръ по Новоторжскимъ волостямъ 1437 или 1456—1462 г. [13]). По самому содержанію этой грамоты «черный боръ» опредѣляется, какъ сборъ съ чернаго населенія—но не съ холоповъ—поголовной подати и пошлины съ обработываемаго участка земли или съ ремесла каждаго человѣка [14]); въ ней, рядомъ съ постановленіями, какъ приравнивать къ сохѣ земельной разныя ремесла, говорится: «а брати съ сохи по гривнѣ по новой; а писцу княжу мортка съ сохи»—и далѣе: «а кормъ съ 10 сохъ великаго князя черноборцамъ взяти 30 хлѣбовъ, баранъ, а любо полоть мяса, 3 куровъ, сито заспы, 2 сыра, бѣкарь соли, а коневаго корму» и т. д.; отсюда ясно, что описывавшіе получали не только кормъ, но еще и особую плату съ жителей; этотъ то поборъ, вѣроятно и назывался «писчею бѣлкою», тѣмъ болѣе, что какъ разъ и полагалась съ сохи «мортка».

Въ связи съ упомянутыми грамотами временъ Дмитрія Донского нужно поставить упоминаніе въ одной грамотѣ конца XV в. объ описаніи московскихъ становъ при отцѣ, дѣдѣ и прадѣдѣ двухъ договаривающихся сторонъ, а прадѣдомъ имъ приходился именно Дмитрій Донской [15]); ин-

---

[12]) Напр., А. А. Э., I., №№ 18—20, 24, 28, 31, 34, 38, 39, 41, 52, 53, 56, 60, 95, 131, 371, 374,—годы 1410—1494; А. И., I, №№ 14, 25, 28, 83, 108, гг. 1404—1499,— и другія въ Д. А. И., I., А. Ю., А. о. до ю. б. Неволинъ, (т. VI, 450, пр. 36) тоже признаетъ, что писчею бѣлкою называлась плата въ пользу производившихъ опись.

[13]) А. А. Э. I, № 32.

[14]) «А кто сидитъ на исполовьи, на томъ взяти полсохи; а гдѣ будетъ новгородецъ заѣхалъ лодьею, или лавкою торгуетъ, или староста, съ того не взяти... а кто будетъ одерноватый емлетъ мѣсячину, на томъ не взяти; а кто, поверга свой дворъ, да вбѣжитъ въ боярскій дворъ, или кто имѣтъ соху таити, а изобличатъ, на томъ взяти вины вдвое за соху». Неволинъ, въ ст.: Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго. (Пол. собр. соч., VI, 107—108), говоритъ, что „черноборцы... сбирали такъ называемый *черный боръ*, т. е. подушную подать съ простого народа".

[15]) Договорная грамота Углицкаго кн. Андрея Васильевича Большого съ в. кн. Иваномъ Васильевичемъ, 1472 г., (С. Г. Гр. и Д., I, № 95): «а коли господине, князь велики, пошлешь своихъ писцовъ... Москвы писати и московскихъ становъ, и мнѣ, господине, послати своихъ писцовъ съ твоими вмѣстѣ, какъ было при нашемъ прадѣдѣ, дѣдѣ и отцѣ нашемъ великихъ князей». Неволинъ (т. VI, 452, пр. 39) замѣчаетъ: «изъ періода монгольскаго владычества не дошло до нашихъ временъ ни одной писцовой книги, ни въ цѣломъ составѣ, ни даже въ какихъ нибудь отрывкахъ или выпискахъ

тересно, что ранѣе его тутъ не упомянуто никакихъ переписей городовъ и становъ; и въ лѣтописи ни о чемъ такомъ не встрѣчаемъ извѣстій; по одному мѣсту лѣтописи можно только думать, что еще въ княженіе Іоанна Іоанновича былъ уже точно извѣстенъ, повидимому описанъ, рубежъ княжествъ Московскаго и Рязанскаго,—подъ 1358 г. читаемъ: «приде изъ Орды посолъ, царевъ сынъ, именемъ Маматъ Хозя на Рязанскую землю и много тамо зла сотвори и къ великому князю Ивану Ивановичу прислалъ о разъѣздѣ земли Рязанской [и предѣлы и межи утвердити нерушимы и непретворимы]; князь же велики не впусти его въ свою отчину, въ Русскую землю» [16]).

На какія-то отдѣльныя переписи при великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ прямо указываютъ слова одной грамоты 1389—1404 г.: «а что люди митрополичи живутъ въ городѣ, а тянутъ ко дворцу, а тѣхъ, описавъ, да положатъ на нихъ оброкъ, какъ и на моихъ великаго князя дворчанъ» [17]).

Въ завѣщаніи великаго князя Василія Васильевича 1462 г. [18]) говорится, что когда его дѣти опишутся по своимъ удѣламъ и разложатъ подати по сохамъ и по людямъ, то сообразно этому будутъ платить великому князю въ ордынскій выходъ. Это есть первое упоминаніе сохи Московской, т. е. большой, фиктивной земельной единицы, рѣзко отличавшейся отъ сохи новгородской, въ три обжи [19]), представлявшей средней величины хозяйство [20]); что

Въ подтвержденіе изложеннаго нами о производствѣ описанія поземельныхъ владѣній въ монгольскомъ періодѣ можемъ сослаться только на порядокъ описанія ихъ, существовавшій въ самомъ началѣ слѣдующаго періода».

[16]) П. С. Р. Л. VIII, (Воскресенская) 10, л. 6866; поставленное въ скобкахъ—читается въ Никоновской лѣт.,—П. С. Р. Л. X, 230.

[17]) А. А Э. I, № 9.

[18]) С. Г. Гр. и Д., I, № 86.

[19]) Неволинъ (т. VI, 450) относительно періода 1238—1462 гг. говоритъ: „въ разныхъ княжествахъ величина сохи была различна. Извѣстно особенно различіе между сохами Московскою и Новгородскою“; а о времени отъ 1462 до 1613 г. онъ говоритъ: „оставалось различіе между сохою Московскою и сохою Новгородскою. Московская соха была гораздо больше Новгородской и дѣлилась на выти“... „величина московской сохи и раздѣленіе ея на выти требуютъ особаго изслѣдованія“, замѣчаетъ онъ при этомъ (тамъ-же, 467). О московской сохѣ—см. у Бѣляева, О поземельномъ владѣніи, Временникъ XI, 51—64 или въ Лекціяхъ по исторіи русскаго законодательства 320—328, и у Соколовскаго, Очеркъ экономическаго быта крестьянскаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ, гдѣ остроумно и ясно изложена система сборовъ по сохамъ (гл. VII, 44—52); относительно-же расчетовъ Бѣляева считаемъ необходимымъ замѣтить, что по нашему мнѣнію невозможно не только точное опредѣленіе, сколько какой земли полагалось на соху, но даже указаніе постояннаго отношенія числа четвертей доброй, середней и худой земли на соху—ибо все это мѣнялось по времени и мѣсту.

[20]) Въ грамотѣ 1437 г. (А. А. Э. I № 32), читаемъ: „а кто сидитъ на исполовьи ино на томъ полсохи взяти“—отсюда видно, что за цѣлое хозяйство считалась не обжа, а соха, т. е. хозяйство съ тремя взрослыми работниками и съ тремя лошадьми; но въ серединѣ XVI в. произошло въ этомъ отношеніи важное измѣненіе: въ одной грамотѣ 1552 г. (А. А. Э. I, № 234) читаемъ: „дворъ посадскій противу обжи, а обжа противу посадскаго двора“.

тутъ подразумѣвается большая, а не новгородская соха, или по крайней мѣрѣ, что тогда уже была извѣстна большая соха, фиктивная земельная единица, становится несомнѣннымъ изъ слѣдующаго: лѣтопись, пересказавши совершенно вѣрно содержаніе этого завѣщанія, замѣчаетъ объ удѣлѣ князя Андрея Васильевича Большого: «всего того на 18 сохъ письменныхъ» [21]),—не можетъ быть, очевидно, чтобы тутъ лѣтопись подразумѣвала соху Новгородскую, въ 3 обжи, ибо князь Андрей получилъ нѣсколько городовъ съ ихъ уѣздами — Волокъ Ламскій, Ржеву, Рузу и др. Затѣмъ это различіе сохъ еще очень долго держалось: лѣтописецъ Псковскій подъ 1480 и 1495 гг. говоритъ что «срубали» съ 4 сохъ и съ 10 сохъ по конному человѣку, и это было тяжело: очевидно тутъ соха маленькая, новгородская,—а подъ 1561 г. говорится уже о сборѣ 22 чел. съ сохи—тутъ, очевидно, соха большая Московская; въ одномъ актѣ 1555 г. читаемъ: «велѣли со всего Холмскаго уѣзда съ живущихъ собирати бѣлый кормъ, съ Московскіе сохи, а съ Новгородскихъ съ 10 сошекъ, по 43 алт. безъ 2 ден. съ сохи» [22]). Изъ этого же завѣщанія можно видѣть, что при князѣ Василіи Васильевичѣ были уже произведены какія то описи въ удѣлахъ: дѣтямъ своимъ онъ приказываетъ платить въ Орду, когда опишутся, по описи,—а самъ, между тѣмъ, весьма точно, до алтыновъ и денегъ, опредѣлилъ, сколько именно долженъ платить каждый изъ его сыновей въ тысячу ордынскаго выхода; почти несомнѣнно, что такое точное опредѣленіе было сдѣлано на основаніи и свѣдѣній совершенно точныхъ; въ приведенной выше договорной грамотѣ такъ же имѣемъ упоминаніе о переписи при князѣ Василіи Васильевичѣ.

Когда новгородцы, осажденные Іоанномъ III въ 1471 г., изъявили уже покорность и шли уже переговоры объ условіяхъ подчиненія, великій князь потребовалъ, чтобы новгородцы написали въ списокъ половину волостей владыки и шести главныхъ монастырей и представили бы ему этотъ списокъ,—что новгородцы и исполняютъ черезъ нѣсколько дней; взявши себѣ нѣкоторыя волости, причемъ совершенно точно обозначено число сохъ въ каждой, великій князь пожелалъ брать еще дань со всѣхъ Новгородскихъ сохъ; когда новгородцы предложили ему по полугривнѣ съ сохи, онъ велѣлъ ихъ спросить: «что ихъ соха?», на что новгородцы отвѣтили: «три обжи соха, а обжа одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ, а кто на трехъ лошадяхъ и самъ третей оретъ, ино то соха». Изъ этихъ переговоровъ видимъ во-первыхъ, что существовали уже тогда двѣ разныя сохи, если великій князь спрашиваетъ: «а что ихъ соха?»—и во-вторыхъ, что въ предѣлахъ новгородскихъ была уже произведена какая то перепись, если новгородцы такъ скоро представили великому князю точный списокъ монастырскихъ волостей, хотя получили предостереженіе, что всѣ утаенныя земли будутъ взяты прямо на великаго князя. Замѣтимъ еще, что въ этихъ переговорахъ все время идетъ рѣчь объ описи и обложеніи уже земли, сохъ и обежъ, а не о счетѣ людей и не о поголов-

[21]) П. С. Р. Л., IV, 148, л 6970 (Новг. 4-ая).
[22]) П. С. Р. Л., 262—263, 269; 312—313. Д. А. И., I, № 78, 1555.

ной съ нихъ подати [23]). Въ 1492 г. «князь велики Иванъ Васильевичъ послалъ тверскіе земли писати по московски въ сохи; а писалъ Тверь князь Ѳедоръ Алабышъ, а Старицу писалъ» и т. д. [24]); съ этого же приблизительно времени сохранились до насъ и самыя описанія—Новгородскія писцовыя книги идутъ съ 1495 г., причемъ, для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностей это описаніе являлось вторымъ: нѣсколько разъ читаемъ: «а стала та деревня послѣ перваго письма» [25]); къ 1500 г. относится отписка на великаго князя и раздача въ помѣстья земель Новгородскаго владыки, совершенная съ благословенія митрополита Симона [26]).

За полнымъ почти отсутствіемъ памятниковъ этого рода до самаго конца XV в. трудно съ увѣренностью сказать, подвергалось-ли это дѣло въ теченіе XIII—XV вв. существеннымъ перемѣнамъ, и если подвергалось, то какимъ; но отличіе памятниковъ этого дѣла конца XV—XVI вв. отъ первыхъ описаній, по нашему, несомнѣнно: первая перепись была перечнемъ людей; отчасти носитъ еще тотъ же характеръ и указанный выше перечень, по семьямъ, людей Рязанскаго Ольгова монастыря, относящійся къ серединѣ XIV в. и представляющій древнѣйшій, дошедшій до насъ, документъ такого рода; въ древнѣйшихъ грамотахъ, избавляющихъ разныхъ людей отъ «писчей бѣлки» тоже говорится, что писцы не будутъ писать людей, а не говорится ничего объ описаніи земель; указаніе же на оцѣнку хозяйства, имущества, имѣемъ впервые въ приведенной нами грамотѣ 1437 г.; при покореніи Новгорода рѣчь шла тоже уже объ описи земли, и съ конца XV в. въ видѣ льготы обѣщается уже не писать земли тѣхъ или другихъ людей [27]); дошедшія до насъ древнѣйшія писцовыя книги, Новгородскія, тоже содержатъ описаніе и опредѣленіе доходности земли, а не перечень людей. Неволинъ указываетъ аналогіи нашимъ писцовымъ книгамъ въ писцовомъ дѣлѣ Византіи; и на нашъ взглядъ его замѣчанія очень основательны и доказываютъ византійское вліяніе въ этомъ дѣлѣ; но не нужно было предполагать этого сходства ранѣе, чѣмъ его въ дѣйствительности можно замѣтить: не нужно было предполагать, что существовали еще и до монголовъ описанія, составленныя по византійскимъ образцамъ, и нельзя не видѣть сходства существовавшихъ у насъ порядковъ этого дѣла уже въ XV в. съ византійскими, тѣмъ болѣе, что особенно при Іоаннѣ III византійское вліяніе у насъ такъ

---

[23]) Переговоры эти изложены очень подробно и почти дословно сходно въ Софійской II лѣтописи (П. С. Р. Л., VI, 216—217), Воскресенской (VIII, 192—196) и Никоновской (ч. 6-я, 92—98); различіе обыкновенно лишь въ нѣсколькихъ словахъ, да еще въ Никоновской вм. словъ: „по семи денегъ“ напечатано вездѣ „по $\overline{3}$ день“.

[24]) П. С. Р. Л., VIII, 223; Никоновская, ч. 6-ая, 130.

[25]) Напримѣръ, Новгородскія писцовыя книги, III, 887, строка 20, „ся деревня поставлена послѣ перваго письма“; у Неволина „О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ“ (первоначально въ VIII т. Записокъ Импер. Рус. Геогр. Общества) читаемъ: „а первые писцы не писали“.—Прил. 195, 217.; ссылки въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ на старое письмо встрѣчаются постоянно.

[26]) Никон. лѣт., ч. 6-я, 157—158.

[27]) Напр. С. Г. Гр. и Д., I, № 112, 1481.

усилилось. По нашему мнѣнію ходъ писцоваго дѣла на Руси былъ таковъ: письменное счисленіе людей и обложеніе ихъ поголовною податью были впервые произведены у насъ татарами; оно обратилось потомъ въ описаніе земель и оцѣнку промысловъ и имущества и приняло окончательныя формы подъ вліяніемъ византійскихъ порядковъ этого дѣла [28]).

Мы прослѣдили, такимъ образомъ насколько возможно по извѣстнымъ теперь документамъ, начало и развитіе переписей до конца XV в.; теперь, отмѣтивши еще двѣ-три частности, обратимся къ разсмотрѣнію этого дѣла въ XVI в.

Въ грамотахъ XV и XVI в.в. часто встрѣчается условіе, чтобы на извѣстный участокъ земли, освобождаемый на время отъ нѣкоторыхъ повинностей, принимать только людей неписьменныхъ, нетяглыхъ. Бѣляевъ высказалъ предположеніе, что тутъ подразумѣваются люди, которые попали въ поголовную татарскую перепись — онъ думаетъ, что отъ нея очень многіе ускользнули—и которыхъ князья старались сохранить за собой, чтобы они именно и платили ту подать, которую татары на нихъ наложили [29]); но ничто прямо не указываетъ на отношеніе людей письменныхъ именно къ татарскимъ переписямъ и подъ именемъ ихъ нужно, кажется, разумѣть людей, попавшихъ вообще въ переписи, а не непремѣнно произведенныя татарами, тѣмъ болѣе, что въ грамотахъ мы часто имѣемъ рядомъ съ обѣщаніемъ не писать людей обѣщаніе не класть ихъ въ выти, не оброчить ихъ, и иногда писецъ и даньщикъ, записывающій людей въ даньскія книги—одно и тоже лицо [30]), такимъ образомъ, князья, запрещая принимать людей письменныхъ,

---

[28]) Неволинъ, т. VI, 446—447, особ. примѣчаніе 16. Всестороннее сравненіе русскихъ порядковъ этого дѣла съ Византійскими было бы, думаемъ мы, очень интересно и могло бы повести къ важнымъ выводамъ. Въ Ж. М. Н. Пр. проф. Ѳ. И Успенскій напечаталъ чрезвычайно любопытное изслѣдованіе: „Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи,“ 1884, № 1, 1—43, № 2, 289—335 и 1886, № 6, 1—52 На основаніи этого изслѣдованія весьма близкая аналогія устройства этого дѣла въ Византіи съ Московскими порядками намъ кажется несомнѣнною: и тамъ, какъ въ Моск. государствѣ, облагалась податью не реальная мѣра поверхностей, а фиктивная величина (jugum, у насъ соха), въ которую шло разное количество земли различной по своей доходности, но такъ, чтобъ доходность каждаго jugum была одинакова; тоже названіе участка земли, къ тому же, не всегда равнаго по размѣрамъ, терминомъ собственно обозначающимъ пару воловъ (зевгарь), что весьма близко къ такимъ обозначеніямъ, какъ у насъ обжа, коробья; повидимому тамъ было даже что то, подходящее къ Московскому „одабриванію“ земли, т. е. къ переложенію, для разсчета повинностей, земли худой и середней въ соотвѣтственное количество доброй земли (нѣмецкіе ученые переводятъ какой то относящійся сюда греческій терминъ словомъ „Bonitirung“). Вообще, прочитавши статью проф Успенскаго, едва-ли кто въ состояніи будетъ усумниться что византійскіе порядки этого дѣла въ IV—VI вв. гораздо ближе къ Московскимъ порядкамъ конца XV и XVI—XVII вв., чѣмъ къ западноевропейскимъ порядкамъ VIII—XI в. Изученіе системы поземельнаго обложенія въ Московскомъ государствѣ можетъ, повидимому, оказать существенныя услуги для возстановленія Византійскихъ порядковъ.

[29]) Бѣляевъ, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 275, 310.

[30]) Д. А. И., I, № 193, 1451 и А. о. до ю. б. № 31, XVIII, 1470: „и даньщики мои Дмитровскіе тѣхъ монастырскихъ селъ въ данскія книги не пишутъ, ни дани, ни

запрещали принимать вообще людей уже занесенныхъ въ произведенныя переписи, положенныхъ въ тягло и выти. такъ что оброкъ съ ихъ уже былъ опредѣленъ и могъ быть принимаемъ княземъ въ расчетъ [31]). Съ XVI в. мы уже не встрѣчаемъ упоминаній «о писчей бѣлкѣ»; имѣя еще отъ XV в. много грамотъ, въ частныхъ случаяхъ отмѣняющихъ ее, мы должны заключить, что значитъ въ XVI в. она уже была отмѣнена [32]).

Отъ первой половины XVI в. указаній на писцовыя книги встрѣчаемъ уже множество, въ это время несомнѣнно уже производились переписи и удѣльными князьями [33]); сюда же нужно присоединить и тѣ межевыя разъѣзжія грамоты городовъ, которыя были составлены при Іоаннѣ III и на которыя онъ потомъ ссылается въ своей духовной [34]), хотя трудно сказать съ увѣренностью, описаны ли тутъ только пограничныя села и деревни, или всѣ села и деревни, тянувшія къ тому или другому городу; затѣмъ число извѣстныхъ намъ переписей быстро возрастаетъ; Московское правительство обратило уже почти въ обычай немедленное описаніе вновь присоединяемыхъ земель [35]): такъ въ 1521 г. приказано описать вновь присоединенный Смоленскъ [36]), скоро послѣ завоеванія описана Казань и немедленно Полоцкъ [37]), тот-

---

какихъ своихъ пошлинъ не емлютъ, а данскихъ моихъ письменныхъ людей имъ къ себѣ не принимати".

[31]) А. А. Э. I, № 60, 1456: „а тяглыхъ людей изъ моихъ великаго князя данскихъ письменныхъ въ то имъ село и въ деревни къ себѣ не принимать"; № 102, 1476— „а тяглыхъ моихъ людей письменныхъ и вытныхъ не принимати"; такъ же №№ 163, 210, 385, 1517—1546 и др ; Д. А. И. I, № 201, 1468 и др. Градовскій, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, т. I, 20, считаетъ числяковъ просто людьми черными, тяглыми, въ противуположность людямъ, купленнымъ князьями и потому принадлежавшимъ имъ на правѣ полной частной собственности.

[32]) Неволинъ, т. VI, 465: „лица, которыхъ имущество и промыслы были описываемы, доставляли писцамъ подвозъ и содержаніе и, кромѣ того, платили извѣстную пошлину, о которой, впрочемъ, послѣ XV в. не упоминается"; въ XVII в., однако опять брали съ описываемыхъ людей на содержаніе писцовъ по указу 1683 г. каждый писецъ и старшій подъячій вмѣстѣ съ младшимъ получали по 2 гр. въ день, стрѣльцы, бывшіе при нихъ, по 4 д. въ день, межевщикъ получалъ по 8 подводъ, старшій подъячій—2, остальные по 1 лошади; на бумагу, свѣчи и чернила брали по гривнѣ со ста ч. обмежеванной земли —См. Ивановъ, „Опытъ историческаго изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи". М. 1846, 43.

[33]) Акты, относящіеся до гражданской расправы въ др. Руси, собралъ и издалъ А. Ѳедотовъ-Чеховскій, I, № 53, 1540, упоминаются писцы кн. Андрея Васильевича, писавшіе Бѣжецкій Верхъ.

[34]) Напечатана въ I т. С. Г. Гр. и Д, № 144; тамъ-же и эти межевыя разъѣзжія грамоты.

[35]) „По мѣрѣ того, какъ какой либо удѣлъ присоединяется къ Москвѣ, великій князь посылаетъ описывать земли и людей этого удѣла своихъ писцовъ. . Всякое новое присоединеніе земель къ московскому государству на западѣ, югѣ и востокѣ сопровождается посылкою въ новоприобрѣтенное царство, область или городъ писцовъ для ихъ описанія"—см. Описаніе докум. и бумагъ, т. I, Описаніе книгъ писцовыхъ, IV.

[36]) Архангелогородская лѣт., 215; см. такъ-же, А. А. Э. I, № 289, описаніе царскаго архива, ящикъ 26.

[37]) Ркп. М. А. М. Ю., К. 646, 1566—1568 гг.; А. И. I, № 169, 1563, Наказъ воеводамъ въ новозавоеванный Полоцкъ; во II т. Писц. книгъ Моск. Госуд., изд. Геогр.

часъ же по изъявленіи покорности Сибирское царство [38]); относительно Пскова имѣемъ указанія на двѣ описи (быть можетъ, впрочемъ, частныя), произведенныя за нѣсколько лѣтъ до перваго, упоминаемаго въ лѣтописи описанія Пскова [39]). Въ Судебникѣ Іоанна Грознаго есть нѣсколько словъ о писцахъ, описывающихъ города [40]), а въ 1556 г., при установленіи извѣстнаго распорядка военной службы, была рѣчь и о томъ, чтобы во всѣхъ городахъ служилыхъ людей поверстать землемѣріемъ [41]); но повидимому, намѣреніе это не было приведено въ исполненіе; на такую одновременную перепись всего государства нѣтъ указаній. Въ XVI в. дѣло описанія велось очень, такъ сказать, частично и неравномѣрно, вѣроятно, подъ вліяніемъ разныхъ условій, раскрыть которыя теперь уже невозможно, въ противуположность XVII в., когда обыкновенно постановлялось послать писцовъ по многимъ городамъ сразу — особенно это замѣтно въ 1646 г. и въ 1678 — 1679 г.г. [42]). Для XVI же в. находимъ напримѣръ такіе факты: въ мѣновной грамотѣ царя Ивана Васильевича и кн. Владиміра Андреевича промѣнены города Дмитровъ, Звенигородъ, Старица и Верея съ точными указаніями, какими книгами опредѣлены относящіеся къ нимъ станы, волости и села — и при этомъ, села одного и того же уѣзда опредѣлены книгами совершенно разныхъ годовъ отъ 1519 до 1566 г., и только по одному селу сдѣланы указанія на книги двухъ годовъ; имѣемъ, напримѣръ, перечисленіе писцовъ, писавшихъ до 1540 г. Бѣжецкій Верхъ [43])—и тамъ только при нѣкоторыхъ особо отмѣчено, что они писали весь Бѣжецкій Верхъ, — другіе, значитъ писали не весь; встрѣчаемъ упоминанія въ грамотахъ, что платить такъ то и такъ то нужно до большихъ, до валовыхъ писцовъ — слѣдовательно, бывали какіе то частные писцы, и иногда указывается, что такіе то писцы писали тѣ мѣста уѣзда, которыхъ не писали предшествовавшіе писцы или что такіе то писцы писали лишь помѣстныя земли [44]) и т. д.; вообще, встрѣчая указанія на книги какого нибудь уѣзда, нельзя быть увѣреннымъ, что тутъ описанъ весь уѣздъ, гораздо даже вѣроятнѣе, напротивъ, что описана

общ. подъ ред. Н. В. Калачева, 421—566, напечатаны книги Полоцкаго повѣту 1563—1570, по рукописи Литовской метрики, но съ нѣкоторыми пропусками; повидимому полная копія въ Петербургѣ съ рукописи метрики—ркп. И. П. Б., Q., IV, 18.

[38]) Никон. лѣт., VII, 228.

[39]) П. С. Р. Л. IV, 309; въ ркп. М. А. М. Ю. К. 827, (описаніе Пскова 1585—1587). лл. 130 об.—132 об. упоминаются книги Псковскаго рыбнаго ряду дьяка Мисюря Мунехина, который былъ во Псковѣ дьякомъ 1510—1519 г.

[40]) А. И., I, № 153, ст. 100: „а дѣловые люди въ монастырскихъ станѣхъ котораго князя и писцы царя и вел. князя пишутъ ихъ подъ сотники въ дань и во всѣ проторы, а князю надъ ними судъ одинъ“.

[41]) Никон. лѣт., VII. 258—262.

[42]) Опис. докум. и бум., хранящ. въ М. А. М. Ю., I. Описаніе книгъ писцовыхъ, XIX—XX, XXII.

[43]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 53, 1540.

[44]) Напр. А. А. Э. I, № 210, А. И., I, № 167, Д. А. И., I, №№ 115, 117, 1546—1564, А. о. до ю. б., № 30, VI, 1625.

лишь часть его Эти замѣчанія основаны на разсмотрѣніи упоминаній о тѣхъ книгахъ, о которыхъ не сказано прямо, что онѣ описываютъ лишь часть какого нибудь уѣзда; но о многихъ книгахъ есть и прямыя указанія, что онѣ касаются не всего уѣзда, а лишь его части [45]).

Переписи въ XVI в. производились весьма часто — въ царствованіе Грознаго, напримѣръ, насчитывается по крайней мѣрѣ до 40 годовъ, о производствѣ въ которые описаній находимъ упоминанія въ источникахъ; нѣкоторыя мѣстности были описаны и не по одному разу, другія же оставались, кажется, безъ описаній; почти утвердительно можно сказать, что даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ описаніе производилось, оно касалось не всей земли сплошь, а лишь того, съ чего платились или должны были платиться подати—очень долго еще мы встрѣчаемъ «неписьменныя поженки», «неписьменные лѣса» тамъ, гдѣ описи уже производились [46]); никакого современнаго общаго перечня произведенныхъ переписей неизвѣстно — составить же его теперь, съ увѣренностью, что онъ полный, совершенно невозможно, такъ какъ нельзя поручиться, что въ извѣстныхъ намъ документахъ остались слѣды всѣхъ произведенныхъ описаній; и напримѣръ, такой списокъ у Неволина [47]) можно уже значительно пополнять по Описанію документовъ и бумагъ и по актамъ Ѳедотова-Чеховскаго.

Относительно того, кѣмъ и какъ назначаемы были описанія того и другого мѣста, кто вообще былъ посылаемъ для производства ихъ — нельзя сказать ничего положительнаго [48]); въ очень многихъ книгахъ, даже цѣликомъ сохранившихся, не сказано вовсе по какому поводу и по чьему приказу произведено описаніе, а начинается документъ прямо съ описанія земель безъ всякихъ поясненій; иногда читаемъ только: «по государеву указу писцы

---

[45]) Напр., сохранилось огромное число книгъ земель Троицкаго монастыря въ разныхъ уѣздахъ; онѣ занимаютъ бо́льшую часть Калачевскаго изданія писцовыхъ книгъ.

[46]) А. И., I, № 151, 1549; Д. А. И., I, № 119, 1568.

[47]) Неволинъ, т. VI, 454—463 и 476—479, въ примѣчаніяхъ.

[48]) Неволинъ, т. VI, 463 „время, когда должно было произвесть описаніе земель въ томъ или другомъ мѣстѣ, опредѣлялось совершенно усмотрѣніемъ правительства Не было назначено никакого срока или періода, по истеченіи бы котораго слѣдовало составлять новое описаніе извѣстной области". Н И. Лихачевъ, въ своемъ изслѣдованіи „Разрядные дьяки XVI в.", 232, говоритъ: „сохранилось значительное количество писцовыхъ книгъ XVI ст.; изъ нихъ нѣсколько (по Новгороду) относятся даже къ концу XV в. Въ подлинникахъ въ началѣ указывается (этого нѣтъ лишь въ древнѣйшихъ книгахъ времени княженія Ивана III) наказъ изъ Разряда, по которому поѣхали писцы"... но это не точно; многія книги начинаются безъ всякихъ указаній, по чьему приказанію онѣ составлены и можно утверждать положительно, что не всѣ книги составлялись по распоряженію Разряда; въ книгахъ писцовыхъ, дѣйствительно, встрѣчаемъ упоминанія разныхъ дьяковъ довольно часто и по этимъ упоминаніямъ можно иногда установить, по приказанію изъ какого приказа писцы сдѣлали то-то и то-то; но это еще не значитъ что писцы и *посланы* по распоряженію изъ этого приказа; у самаго же Н. И Лихачева приведены указанія, что писали писцы извѣстныя области по памятямъ изъ Помѣстнаго приказа (233).

такіе то писали и мѣряли то-то» [49]); въ XVII в., какъ извѣстно, нѣсколько разъ писцы были посылаемы по соборному приговору, но это былъ не единственно возможный поводъ къ производству описи—иногда писцы были посылаемы, напр., по челобитью жителей [50]). Точно также не было опредѣлено, кто именно долженъ производить описанія; то спеціально посылаются для этого писцы, то описываютъ городовые прикащики, то воеводы, то ключники и т. д. [51]); большею частью описаніе производилось не однимъ, а двумя посланными, иногда еще съ товарищами и всегда съ дьякомъ или подъячими [52]); книги XVI в. не говорятъ такъ же ни о какомъ сколько нибудь активномъ участіи въ описаніяхъ самихъ жителей мѣстности; замѣчанія о пустыхъ мѣстахъ, обыкновенно давно запустѣвшихъ, что староста и другіе черные люди не знаютъ, чьи они были, не указываютъ на активное участіе въ переписи самихъ жителей города, ибо о пустыхъ мѣстахъ не у кого было больше и спрашивать, какъ только у нихъ, и изъ обращенія къ нимъ по такому поводу нельзя заключать, что они принимали участіе и вообще въ описаніи города; яснѣе ихъ участіе при размежеваніи, разводѣ земель [53]). Въ уѣздахъ описаніе шло обыкновенно по станамъ или волостямъ, а въ нихъ по разнымъ разрядамъ земель—помѣстныхъ, вотчинныхъ, монастырскихъ, черныхъ,—отдѣльно «въ жилѣ» и «въ пустѣ»; описывалось сначала село, т. е. указывалось его названіе, положеніе (на р., на оз.), во имя какого святого его церковь, сколько дворовъ и людей, затѣмъ описывалась земля этого села—пашня четвертная и переложная, сѣнокосъ, лѣсъ, далѣе такъ же описывались деревни и пустоши; въ концѣ описанія стана или волости подводился итогъ земель, дворовъ и людей по разрядамъ. Книги городовъ начинались обыкновенно съ подробнаго описанія и измѣренія укрѣпленій, далѣе шло описаніе города, потомъ посада и слободъ въ немъ; описаніе города начиналось съ чрезвычайно подробнаго описанія собора, затѣмъ по улицамъ и переулкамъ описывались дворы и клѣти, съ обозначеніемъ имени и занятій ихъ владѣльцевъ, иногда съ указаніемъ, какъ перешелъ дворъ во владѣніе его хозяина, такъ же съ указаніемъ живетъ ли въ дворѣ самъ хозяинъ, если онъ служилый человѣкъ, или у него дворникъ, и кто именно, чѣмъ занимается, откуда пришелъ; мимоходомъ встрѣчаются разныя мелкія бытовыя подробности. Описаніе посада идетъ также, но изъ церквей подробно описываются лишь руж-

---

[49]) Писц. книги М. госуд., II, стр. 1537, книга Венева.

[50]) Рязань. Матеріалы для исторіи города. М. 1884,—въ писц. книгѣ 1696 г.

[51]) А. А. Э., I, № 251, 1557; Д. А. И., I, №№ 115, 224; А. Ю. № 152, А. о. до ю. б., № 29, I, II, 1562—1593.

[52]) Неволинъ, т. VI, 464: „рѣдко описаніе извѣстной области поручалось одному лицу. Большею частію назначалось для того нѣсколько человѣкъ, которые должны были дѣйствовать совокупно. Изъ нихъ одни были главными, собственно писцами; другіе опредѣлялись, какъ дьяки или подъячіе, преимущественно для письмоводства. Назначеніе количества лицъ для описанія каждой области и выборъ къ тому тѣхъ или другихъ людей опредѣлялись особеннымъ на каждый случай распоряженіемъ правительства или даже верховной власти".

[53]) А. Ю., № 151, 1555.

ныя; указываются стоящіе на церковной землѣ дворы; далѣе подробно описываются лавки, амбары, скамьи, обыкновенно по рядамъ, затѣмъ бани, кузницы, мельницы и др. оброчныя статьи; иногда точно указаны при каждой лавкѣ предметы торга въ ней, иногда объ этомъ упомянуто вкратцѣ послѣ описанія цѣлаго ряда. Но вообще порядокъ описанія и форма книги не были строго выработаны и опредѣлены и въ значительной степени зависѣли отъ усмотрѣнія самихъ писцовъ [54]); напримѣръ книги Тулы и Дѣдилова, объ приправочныя [55]), составленныя одними и тѣми же писцами, въ одинъ и тотъ же годъ, тѣмъ не менѣе довольно замѣтно различаются между собою—книга Тулы, въ общемъ, подробнѣе книги Дѣдилова. Обыкновеннымъ порядкомъ было опредѣленіе писцами повинностей и оброковъ съ черныхъ земель,—хотя ни одна грамота не постановляетъ этого прямо, но такое положеніе несомнѣнно, какъ по содержанію многихъ книгъ, такъ и изъ разныхъ грамотъ, выше приведенныхъ нами; но есть книги и не заключающія такого опредѣленія—напр., огромныя книги Тверского уѣзда (въ II т. Писц. книгъ М. Государства). Есть довольно много указаній, что писцы производили и судъ землямъ, которыя они описывали, иногда они отмѣчали въ своихъ книгахъ, какія у владѣльцевъ крѣпости [56]), но нѣтъ данныхъ положительно утверждать, что всѣ писцы были обязаны производить судъ описываемымъ землямъ, что они и посылались для провѣрки правъ на землю [57])—въ большинствѣ книгъ земля описывается безъ всякой повѣрки правъ или документовъ; въ одной грамотѣ читаемъ, что человѣкъ, поселяющійся на чужой землѣ, обязывается не описываться на ней [58]), а въ другой при мѣнѣ постановляется условіе, что если государь возьметъ у одной изъ мѣняющихся сторонъ то, что она промѣняла, и что, слѣдовательно, находится уже въ

---

[54]) Впрочемъ, это изложеніе порядка описанія въ писцовыхъ книгахъ и ихъ содержанія только приблизительно точно, ибо онѣ значительно различаются между собою; точно также и обзоръ свѣдѣній, заносимыхъ въ эти книги, у Неволина (т. VI, 465—469) по нашему мнѣнію имѣетъ такое же значеніе; онъ указываетъ, что вообще встрѣчалось въ писцовыхъ книгахъ, но не надо думать, что каждая книга заключаетъ всѣ эти свѣдѣнія

[55]) Такъ названы эти книги въ подлинномъ документѣ—ркп. И. П. Б., Q, IV, 338, хотя издатель ихъ почему то назвалъ Тульскую книгу писцовою —Писц. кн. М. госуд., II, 1073; точно такъ же въ I т. того же изданія названы имъ писцовыми книги г.г. Коломны и Можайска (I, 291, 612), хотя по ярлыку, 1835 г. правда, книга Коломны названа приправочною, а въ текстѣ, начало котораго не сохранилось, постѣ описанія города, читаемъ просто „книги Коломенскаго уѣзда“; книга же Можайска названа въ подлинникѣ просто „книги города Можайска“. Впрочемъ, мы желаемъ этимъ отмѣтить только не совсѣмъ точную передачу подлинника въ печатномъ изданіи, а различіе названій—писцовая, приправочная и просто книга—по нашему мнѣнію ничего не значитъ.

[56]) Особенно много упоминаній объ этомъ въ книгахъ Тверского уѣзда—Писц. кн. М. госуд , II, 40—403, особ. 141—290.

[57]) Мнѣніе Неволина (т. VI, 434), что до Екатерины II межеваніе, причемъ подъ именемъ межеванія тутъ подразумѣвается вообще описаніе земель—всегда соединялось съ провѣркой правъ на землю—ничѣмъ не доказано имъ.

[58]) А. Ю., № 23, 1571.

фактическомъ владѣніи другой стороны, то первая сторона возвратитъ второй то, что получила отъ нея въ промѣнъ [59]),—изъ этихъ грамотъ нужно вывести заключеніе, что писцы, по крайней мѣрѣ иногда, вовсе не провѣряли правъ владѣльцевъ, а писали землю за тѣмъ, за кѣмъ ее находили, иначе не нужно было бы условіе, особенно первой грамоты. Точно также есть случаи, что непосредственно за описаніемъ земли и «разводились» т. е. межевались, но иногда межевщики, разводчики, посылались и отдѣльно.

Въ глазахъ правительства писцовыя книги были, естественно, важнѣйшимъ доказательствомъ поземельныхъ правъ, и во многихъ судныхъ дѣлахъ о землѣ встрѣчаемъ ссылки на писцовъ, на книги; изъ этихъ только ссылокъ, между прочимъ, часто узнаемъ мы, что въ данной мѣстности было произведено въ извѣстное время описаніе; иногда упоминается о планахъ—то прямо называется чертежъ земли, то упоминается «лубъ», по которому велись спорящіе [60]); какое важное значеніе признавало за этими описями правительство видно отчасти и изъ того, что въ царскомъ архивѣ хранилось много чертежей и описаній городовъ [61]). Но до половины XVII в. мы почти не встрѣчаемъ ссылокъ на писцовыя книги въ грамотахъ частнаго характера и не заключающихъ въ себѣ спора о владѣніи—каковы духовныя, мѣновныя, купчія; до конца XVI в. въ нихъ опредѣляютъ землю старыми межами, выраженіями «куда топоръ, коса, соха ходили», даже въ тѣхъ мѣстностяхъ (напр. въ Новгородской области), гдѣ описанія несомнѣнно были уже произведены; очевидно, еще долго обстоятельное, точное описаніе земельныхъ владѣній не являлось потребностью общества, не было въ глазахъ современниковъ необходимо нужнымъ въ хозяйствѣ и общежитіи.

Результаты этихъ описаній излагались въ особыхъ документахъ, «книгахъ», общее названіе которыхъ было «писцовыя». По грамматическому своему значенію терминъ «писцовый» значитъ вообще «составленный писцами» и онъ обозначалъ вообще всѣ этого рода документы, хотя встрѣчаются постоянно и другія заглавія ихъ—просто «книга» или «книги», затѣмъ книги приправочныя, дозорныя, переписныя, переписныя окладныя, платежныя, отдѣльныя, отписныя, перечневыя, устройныя; есть документы, по содержанію весьма близкіе къ писцовымъ книгамъ вообще, носящіе названіе сотныхъ, или сотныхъ выписей, встрѣчаемъ упоминанія о «разметныхъ книгахъ». Изучивши содержаніе многихъ такихъ книгъ, именно всѣхъ, содержащихъ описаніе городовъ, мы должны сказать, что, во первыхъ, онѣ не составлены по общему плану и представляютъ очень часто различныя особенности, иногда даже довольно значительныя, но что вмѣстѣ съ тѣмъ, различіе названій далеко не всегда обусловлено различіемъ содержанія и

---

[59]) А. Ю., № 106, 1582.

[60]) А. Ю., № 2, 1483; Акты Фед. Чех., I, № 67, 1556: и кн. вел. „списку сего слушалъ и черчежъ смотрѣлъ“, такъ же №№ 37, 38, 46, 71, 1532—1558. Нѣсколько подобныхъ плановъ, кажется XVII в., выставлено въ Публ. Биб., въ залѣ Александра I.

[61]) А. А. Э., I, № 289; описи въ очень многихъ ящикахъ; чертежи въ ящикахъ 57, 144, 220, 221.

наоборотъ—нѣкоторое различіе содержанія не мѣшаетъ книгамъ носить одинаковыя названія; главною причиною этого является именно отсутствіе общаго плана, общей формы этихъ книгъ [62]), при чемъ очень многое зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія писцовъ; мы уже говорили выше, что, напр., двѣ приправочныя книги Тулы и Дѣдилова, составленныя одними и тѣми же писцами, въ одинъ и тотъ же годъ, тѣмъ не менѣе имѣютъ нѣкоторыя различія, напр. въ Тульской описаніе торга значительно подробнѣе, чѣмъ въ Дѣдиловской [63]); въ тогдашнемъ словоупотребленіи, кажется, не придавали этому различію большого значенія—встрѣчаемъ, напр., выраженіе: «книги писцовыя, письма и дозору», тогда какъ потомъ «книги письма и дозору» называются обыкновенно дозорными. Укажемъ еще, что уже въ XVII в., когда терминъ «переписная книга» прилагался уже постоянно къ документамъ, содержащимъ поименный перечень всѣхъ людей мужескаго пола, обыкновенно даже съ обозначеніемъ лѣтъ [65]), мы встрѣчаемъ вдругъ переписныя книги г. Москвы, заключающія перечисленіе участковъ Москвы, порученныхъ наблюденію разныхъ объѣзжихъ головъ, т. е. чиновниковъ, учрежденныхъ для наблюденія за предохранительными мѣрами отъ пожаровъ, или «переписныя книги» г. Кунгура, заключающія лишь перечень церквей, монастырей въ этомъ городѣ и ихъ имуществъ [66]).

Конечно, доказать отсутствіе существенной разницы между разными документами чрезвычайно трудно, настолько же трудно, насколько легко указать различіе; но, по крайней мѣрѣ относительно документовъ XVI в., содержащихъ описаніе городовъ, мы можемъ положительно утверждать, что книги просто, затѣмъ книги писцовыя и приправочныя въ общемъ совершенно сходны между собою; въ частностяхъ онѣ различаются, но рѣшительно нельзя указать ничего такого, присутствіе или отсутствіе чего постоянно характеризовало бы тѣ, или другія, или третьи [67]). Относительно

---

[62]) Н. Н. Оглоблинъ, въ своемъ „Обозрѣніи историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в.в., заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа“ (отдѣльно и въ IV т Описанія докум и бумагъ), 182, 186, 269,—указываетъ это же и относительно различныхъ документовъ Разряднаго приказа XVII в.

[63]) Писц. кн. Моск. Госуд., II., 1073—1097, 1261—1268.

[64]) А. И., I., № 217, 1586.; Писц. кн. Моск. Госуд. I, 54—читаемъ въ писц. и межев. книгѣ (царств. Ѳеодора Іоанновича) „и по новому письму дозору прибыло изъ пуста въ жило“...

[65]) Множество ихъ напечатано въ Матеріалахъ для исторіи разныхъ городовъ, изданныхъ московскимъ купечествомъ; см. тамъ же „Переписныя книги 1676—1688 гг.“, изданныя Е. Е. Замысловскимъ въ VIII т. Лѣтописи занятій Археогр. комиссіи.

[66]) Переписныя книги г. Москвы. 1665—1676. М. 1886.—Кунгуръ. Матеріалы для исторіи города. М. 1886.

[67]) Неволинъ (т. VI, 469) говоритъ о составленныхъ писцами книгахъ: „книги сіи назывались общимъ именемъ писцовыхъ книгъ, но кромѣ того онѣ носили еще наименованіе дозорныхъ и приправочныхъ, если были составлены въ исправленіе и въ дополненіе къ прежде уже составленнымъ писцовымъ книгамъ“; Ивановъ, въ Опытѣ историческаго изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи, М. 1846, говоритъ (134): „дозорныя книги значатъ тоже, что и писцовыя, дозорными же названы онѣ потому, что

книгъ приправочныхъ можно сказать, что такъ назывались, повидимому, копіи, провѣренныя и исправленныя, съ другихъ книгъ [68]), хотя возможно, что иногда назывались такъ и книги, содержащія записи, какія земли розданы, прибавлены разнымъ владѣльцамъ [69]), ибо часто приправочныя книги упоминаются въ источникахъ какъ противуположность «отдѣльнымъ», «отписнымъ», каковыя въ подлинникахъ намъ неизвѣстны, но насколько можно судить по смыслу грамотъ, гдѣ онѣ упомянуты, содержали отписку или убавку помѣстій у разныхъ лицъ [70]).

такъ называемые дозорщики дозирали или повѣряли за писцами"; „приправочныя книги служатъ дополненіемъ къ писцовымъ и дозорнымъ; ибо частые переходы имѣній отъ одного владѣльца къ другому и пожалованіе ихъ вновь требовали дополненій къ симъ книгамъ, а особенно, по истребленіи большей части этихъ книгъ, какъ во время самозванцевъ, такъ и нашествія поляковъ, почему и посылались писцы, частію учинить ихъ вновь, а частію повѣрить прежнія, сохранившіяся въ цѣлости, отчего и составились приправочныя книги"; въ предисловіи къ „Описанію книгъ писцовыхъ и др."—въ I т. Опис. докум. и бум., VI, читаемъ: „дозорными и приправочными книгами назывались исправленія и дополненія, которыя дѣлались—первыя вслѣдъ за бывшею описью извѣстной мѣстности, а вторыя по прошествіи такого времени, въ теченіи коего могли произойти болѣе или менѣе значительныя измѣненія какъ въ владѣльческихъ правахъ, такъ и въ самомъ составѣ и положеніи жителей описаннаго города съ уѣздомъ". Всѣ эти опредѣленія имѣютъ одинъ маленькій недостатокъ: указывая только различіе повода къ составленію книгъ разныхъ наименованій, они вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ поводъ думать, что быть можетъ было и различіе въ ихъ содержаніи, чего въ дѣйствительности не было; нужно было это оговорить прямо. Бѣляевъ (О поземельномъ владѣніи, Временникъ, XI, 74) говоритъ, что въ приправочныхъ книгахъ подробно излагалось кому принадлежатъ какія имѣнія, по какимъ документамъ на право владѣнія, какъ именно сказанно въ одной выписи изъ приправочныхъ книгъ Моск. уѣзда 7094 г.—но напр. въ приправочной книгѣ Тульскаго уѣзда 1588—1589 г. (П. Кн. М. Г. II, 1097—1260) такихъ свѣдѣній не приведено.

[68]) «А по приправнымъ (sic) книгамъ, за приписью дьяка Богдана Иванова, письма и мѣры кн. Михаила Литвинова Мосальскаго съ товарыщи, да письма же и мѣры Григорья Пильемова да Андрея Сабурова, съ товарыщи... написано»; «а по приправочнымъ (sic) книгамъ, за приписью дьяка Богдана Иванова, съ книгъ письма и мѣры кн. Михаила Литвинова съ товарыщи. . написано.. », «Писц. кн. Мос. Госуд., I, 657, 659; «а по приправочнымъ книгамъ, каковы даны изъ Помѣсного приказу, выписавъ изъ платежныхъ книгъ въ Большомъ Приходѣ»... Писц. кн. М. Госуд., II, 420

[69]) Въ книгахъ Моск. уѣзда, читаемъ (Писц. кн. М. госуд., I, 78, 94): «въ Ворѣ-жъ и въ Корзеневѣ стану: Дер. Тимонино, на р. на Торгошѣ, а въ приправочныхъ книгахъ та деревня за Троецкимъ монастыремъ не написана, а положили на тое деревню изъ монастыря данную Петра Захарьина с. Руготина, до его дѣтей Ильи до Безсона, а владѣлъ тою деревнею Богданъ Яковлевичъ Бѣльскои, а нынѣ та деревня по государеву... наказу отписана на государя»; «да Вохонскіе жъ волости наѣзжія деревни и пустоши, а въ приправочныхъ книгахъ тѣ деревни и пустоши не написаны, и крѣпостей на нихъ не положили: дер. Самойлова, а въ ней»...

[70]) Д. А. П., I, № 52, I—XIII и далѣе, 1555—1556 упоминаются неоднократно писцовыя, отдѣльныя и приправочныя книги, по которымъ нужно сыскивать разныя свѣдѣнія о помѣстьяхъ; тамъ же, XIX, 1556, читаемъ; «писали естя къ намъ: по нашей грамотѣ въ нашей опалѣ у дѣтей боярскихъ, которые не были на нашей службѣ въ Казани, посылали есте помѣстій ихъ описывати и въ раздачу многимъ дѣтямъ боярскимъ отдѣливати подъячихъ, и подъячіе отдѣляли иныхъ помѣстій съ половину, а иныхъ

Близки къ этимъ книгамъ переписныя окладныя книги Новгородской области и особенно—переписная книга г. Торопца 1540—1541, единственная извѣстная намъ книга XVI в., носящая такое названіе [71]). Переписныя окладныя книги не представляютъ описанія укрѣпленій, церквей и торга, всегда описываемыхъ въ писцовыхъ и приправочныхъ книгахъ, переписная же книга г. Торопца представляетъ все это, только описанія укрѣпленій и церквей очень краткія [72]); но за тѣмъ, по остальному своему содержанію, эти документы несравненно ближе къ прочимъ книгамъ XVI в. чѣмъ къ переписнымъ XVII, содержащимъ, какъ сказано, перечень всѣхъ жителей города мужескаго пола, обыкновенно даже съ указаніемъ лѣтъ — по крайней мѣрѣ дѣтей; въ переписныхъ же книгахъ XVI в. хотя, дѣйствительно, чаще чѣмъ во всякихъ другихъ встрѣчаемъ дворы съ не однимъ мущиной, но это надо объяснить особенностью разселенія въ тѣхъ областяхъ, къ которымъ эти книги относятся—ибо если бы предположить, что и въ этихъ переписныхъ книгахъ названы всѣ жители мужескаго пола, то ихъ было бы слишкомъ мало, и кромѣ того, такому предположенію мѣшаетъ то, что постоянно во дворахъ лучшихъ, въ общемъ, приходится мущинъ больше, чѣмъ во дворахъ середнихъ, а въ этихъ больше, чѣмъ во дворахъ молодшихъ [73]). Отличіемъ этихъ книгъ отъ большинства писцовыхъ является указаніе здѣсь всей суммы платимаго жителями оброка, хотя такія же свѣдѣнія представляли и нѣкоторыя писцовыя книги [74]).

съ треть, и по тѣмъ отдѣльнымъ книгамъ на тѣ помѣстья дѣтямъ боярскимъ и отдѣльныя грамоты подавали» и т. д.; въ А. Ю. № 26, 1612 г., читаемъ, что по памяти за приписью А. Щелкалова воевода кн. В. Звенигородскій отдѣлилъ такую то землю одному монастырю въ 94 г —и далѣе читаемъ «отдѣльная кн. В. Звенигородскаго 94 году» въ А. Ю., №№ 166, 167—1632, 1654 г.—упомянуты «отдѣльныя книги письма и отдѣла» и просто «отдѣльныя» 85 и 106 г. въ межевыхъ грамотѣ и выписи.

[71]) Въ «Описаніи документовъ и бумагъ», т. I, № 1738, 1563 г. показанъ «списокъ переписныхъ книгъ сѣнныхъ покосовъ въ трехъ погостахъ Вотской пятины»—сколько можно судить по заглавію, мы имѣемъ здѣсь нѣчто подобное указаннымъ выше переписнымъ книгамъ Москвы и Кунгура.

[72]) Переписныя докладныя книги гг. Копорья, Ямы, Ладоги и Ивана напеч въ Новг. писц. книгахъ, т III, 494, 879—885, 957—960, т. IV, 228—232; книги Орѣшка и Корелы—Временникъ, XI, 111—115 и XII, 1—7, книга г. Торопца—ркп. М. Г. А. М. И. Д. Писц. кн. IX, 18, лл 1—31. Бѣляевъ (О поземельномъ владѣніи, Временникъ, XI, 75) говоритъ: «главное отличіе писцовыхъ книгъ отъ переписныхъ окладныхъ состояло въ томъ, что въ писцовыхъ книгахъ записывались и измѣривались всѣ земли извѣстнаго уѣзда, приносящія доходъ и неприносящія, или какъ тогда выражались—въ живущемъ и въ пустѣ; въ переписныхъ же окладныхъ книгахъ помѣщались только однѣ земли приносящія доходъ, съ означеніемъ именно, какой доходъ доставляетъ то или другое имѣніе, о чемъ вовсе не упоминается въ писцовыхъ книгахъ». Но и тутъ выступаетъ съ ясностью шаткость подобныхъ попытокъ характеризовать точно и опредѣленно содержаніе писц. книгъ: въ писцовыхъ книгахъ земель Троицкаго монастыря въ разныхъ уѣздахъ второй половины XVI в. находимъ такія именно указанія постоянно (въ обоихъ томахъ Писц. книгъ М. Госуд.)

[73]) Объ этомъ явленіи будетъ сказано подробнѣе въ приготовляемомъ нами изслѣдованіи: „Города Московскаго государства въ XVI в.“.

[74]) Напр., въ книгѣ Можайска 1595—1598—П. кн. М. госуд., I, 630—631; а такъ-же въ книгахъ Суздаля, 1578 г. и Вязьмы, 1594—95 гг., сколько можно судить

«Книги платежныя» дошли до насъ въ весьма небольшомъ количествѣ, и сколько можно высказаться, судя по дошедшимъ, онѣ заключали точное распредѣленіе денежныхъ повинностей съ дворовъ или лавокъ и др. оброчныхъ статей [75]). Въ актахъ встрѣчаемъ выраженіе «платежница», но не совсѣмъ ясно, что это такое—документъ-ли, составленный въ приказѣ, или документъ, составленный самими жителями извѣстной мѣстности [76]); они должны были имѣть «разметныя книги», по которымъ разлагали между собою платимыя подати; документовъ этого рода намъ не извѣстно, но такое значеніе ихъ совершенно ясно изъ Судебника [77]).

Сотныя выдавались послѣ составленія книгъ какого нибудь города, волости или слободы одному какому нибудь сословію, разряду жителей и заключали въ себѣ всѣ данныя относительно лицъ того сословія, или того класса, или владѣній того юридическаго лица, которому сотная выдавалась; такъ, напримѣръ, заключаютъ свѣдѣнія только о посадскихъ людяхъ сотныя на Серпуховскій, Муромскій, Устюженскій посады, или свѣдѣнія только наприм. о рыболовной слободѣ или объ отдѣльной волости ихъ сотныя [78]); Кирилловскій монастырь имѣлъ сотныя, въ которыхъ выписаны были изъ разныхъ книгъ всѣ свѣдѣнія о его земляхъ [79]); въ актахъ читаемъ иногда приказаніе выдать (монастырю) сотную, «чтобъ имъ вѣдомо было, что имъ какихъ доходовъ платити» [80]).

Есть еще упоминанія о книгахъ перечневыхъ, составленныхъ изъ дру

по ссылкамъ на нихъ въ Владимірскихъ (1843, № 25) и Смоленскихъ (1846, № 7) губ. вѣдомостяхъ.

[75]) Извѣстны платежныя книги 1595—1597 гг.: Зарайска—напечатана была въ Рязанскихъ губ. вѣд., 1839 г., № 12, въ жур. Мин. Вн. Д., 1848, т. XXI, и въ книгѣ „Зарайскъ. Матеріалы для исторіи города XVI—XVIII в.“; Переяславля Рязанскаго ркп. М. А. М. Ю., № 396, лл. 1—25 и Пронска—ркп. М. А. М. Ю. № 354 лл. 1—22.

[76]) А. Ю. № 171, 1577.

[77]) Судебникъ 1550 г. ст 72, по изд. въ А. И., I, № 153, постановляетъ, что если посадскіе люди будутъ искать другъ съ друга большими исками, то сыскивать разметными списками; по разметнымъ-же книгамъ городскимъ посадскимъ людямъ искать съ намѣстниковъ и волостелей; „а котораго году старосты и цѣловальники разметныхъ книгъ къ Москвѣ не пришлютъ и въ томъ году имъ на намѣстниковъ суда не дати“.

[78]) Совершенно такъ-же опредѣляетъ сотную и Неволинъ,—т. VI, 469—470 Сотная на Муромскій посадъ—А. Ю , № 229, 1574; на Серпуховскій—1552, въ книгѣ Симсона „Исторія Серпухова“, М. 1880, 311—334, на Устюженскій—1598, ркп. М. Г. А. М. И. Д., Приказ. дѣла, связка 3, № 2 ; въ А. Ю., № 5, ок. 1490 упомянута сотная на Бѣлозерскій посадъ; сотныя на слободу—А. А. Э. I, № 261, 1562, на волость—А. Ю. № 228, 1557, А. И. I, № 248, 1596. Сотная на Муромскій посадъ заключаетъ, однако, нѣкоторыя свѣдѣнія, какихъ обыкновенно въ сотныхъ не находимъ.

[79]) А И., I, № 163, 1556.

[80]) А. А. Э. I, № 343, 1589; А. Ю. № 5, ок. 1490 г., читаемъ: „и писцы деи тѣ дворы и люди въ тѣхъ дворѣхъ придали къ городу, къ намъ въ тягло, да и въ сотницу ихъ въ городскую къ намъ написали“.

гихъ книгъ такого-то; подлинныхъ книгъ такихъ намъ неизвѣстно, и только названіе указываетъ ихъ характеръ [81]), наконецъ, для устройства ямовъ и ямщиковъ на нихъ посылались люди, которые все сдѣланное ими записывали въ документы, называвшіяся «книги устройныя» [82]); при постройкѣ города составлялись книги строельныя, при устройствѣ засѣкъ—засѣчныя и т д. [83]).

По характеру своему отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ книгъ книга г. Пскова [84]); она заключаетъ описаніе мельницъ, бань, варницъ, дворовъ гостинныхъ, таможенныхъ и денежнаго, затѣмъ лавокъ на торгу, при чемъ указывается отдѣльно оброкъ съ каждой лавки, и всегда мѣсто жительства владѣльца лавки; въ концѣ описана рыболовная слобода. Къ сожалѣнію, начало документа утрачено, и мы не знаемъ, какъ названа была эта книга составителями ея. Въ одномъ актѣ мы, кажется, имѣемъ маленькій отрывокъ изъ перваго описанія Пскова [85]); если и въ 1585—1588 г. такъ же описанъ былъ весь Псковъ. то утрата этого описанія очень досадна, тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ большихъ городовъ Московскаго государства даже такія то свѣдѣнія дошли до насъ только относительно Пскова; относительно же Москвы и Новгорода мы такихъ документовъ XVI в. не имѣемъ, хотя и есть указанія, что и въ нихъ были произведены переписи и описанія [86]); сохранились же для Москвы подобные документы лишь отъ конца XVII в. [87]).

Припоминая теперь все сказанное о книгахъ разныхъ наименованій, мы должны придти къ заключенію, что въ XVI в. не было еще выработано опредѣленнаго плана, формы для ихъ составленія. и что поэтому еще не было

---

[81]) Д. А. И., I, № 113. 1560: „а выписаны тѣ перечневыя книги изъ писцовыхъ книгъ письма .. 7023 г.“...

[82]) Ркп. И. П. Б. Q., IV, 261.

[83]) Опис. докум. и бум., I, Опис. книгъ писцовыхъ, VI.

[84]) Ркп. М. А. М. Ю., 355, пол. 1 и К. 827

[85]) По лѣтописи, первая перепись во Псковѣ (П. С. Р. Л. IV, 309) начата была въ 7065 г.—т. е. въ 1557; но обыкновенно тогда описаніе большого города продолжалось года два-три (въ нѣкоторыхъ книгахъ, изданныхъ въ Матеріалахъ для исторіи городовъ даже по днямъ отмѣчено, что именно въ какой день описано); въ Д. А. И., I, № 224, 1579 г. (Царская жал. гр. Кириллову монастырю) читаемъ: „а въ писцовыхъ книгахъ письма Захарья Плещеева да Алексѣя Стараго, съ товарыщи, л. 7067 г., написано: въ Середнемъ городѣ дворы гостиные оброчные, въ Васнѣ улицѣ, отъ городовые стѣны отъ вымла дворъ Ивановской да Михайловской Семеновыхъ дѣтей Преподобова, а даютъ съ того двора въ государеву казну во Псковѣ Псковскимъ дьякамъ по грамотѣ, по два золотыхъ угорскихъ». Въ книгѣ Псковской 1585—1588 г. описанъ цѣлый, пустой уже въ это время, рядъ лавокъ „Семеновскій Преподобова“ и въ немъ между прочимъ „м. Ивановское да Михайловское Семеновыхъ дѣтей (и) Преподобова, оброку было 6 а.“,—съ остальныхъ 18 м. оброку было по гривнѣ, т. е. по 20 д.—Ркп. М. А. М. Ю., К. 827, лл. 117—118.

[86]) О переписи дворовъ въ Москвѣ говоритъ Флетчеръ, по русскому переводу стр. 4; въ описи царскаго архива (А. А. Э., I, № 289, ящ. 157) читаемъ: „ящикъ, а въ немъ книги московскія, Андреева письма Берсенева“; о числѣ дворовъ въ Новгородѣ узнаемъ изъ разряднаго и разметнаго списка 1545—1546 г., А. А. Э , I, № 205.

[87]) Матеріалы для исторіи Московскаго купечества, М. 1883—1888 г. 6 т. съ приложеніями.

строгаго различія между книгами нѣкоторыхъ наименованій,—нѣтъ никакой возможности указать постоянныя различія между книгами писцовыми, приправочными и просто книгами — городовъ. по крайней мѣрѣ; иныя книги одного названія различаются между собою болѣе, чѣмъ отъ другихъ книгъ другихъ наименованій; и нельзя ничего указать. присутствіе или отсутствіе чего характеризовало бы исключительно тѣ, другія или третьи. Для изученія внутренняго положенія, быта, напримѣръ, городовъ. нужно совершенно одинаково относиться къ свѣдѣніямъ о нихъ, доставляемымъ книгами и писцовыми, и приправочными. и просто книгами, тѣмъ болѣе, что въ общемъ эти книги доставляютъ свѣдѣнія самыя цѣнныя и значительно превосходящія полнотою и важностью все, что извѣстно изъ другихъ источниковъ для изученія городовъ и вообще внутренняго состоянія Московскаго государства въ XVI в.

С. Борисоглѣбское.
Іюнь 1887.

